

ПРИВЫЧКИ ПОВСЕДНЕВНОГО МЫШЛЕНИЯ В КОГНИТИВНОМ КОНТЕКСТЕ

М. Д. Иванова

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
taniparovar4ik@mail.ru;
науч. рук. – С. В. Воробьева, канд. филос. наук, доц.*

В статье раскрывается тема привычек повседневного мышления. Ее актуальность вытекает из ориентированности гуманитарных и когнитивных наук на сферу повседневности и жизненного мира человека и слабой освещенностью проблем, связанных с повседневностью. Поэтому объектом исследования выступают привычки данного мышления в когнитивном контексте. Цель исследования заключается в систематизации привычек и их когнитивной оценке. Ценность результатов исследования состоит в разграничении механизмов адаптации, поддерживающих равновесие с внешней коммуникационной и интеллектуальной средой, и инструментальной эвристики привычек как способов поддержания этого равновесия. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в гуманитарных и когнитивных науках, имеющих прямое отношение к решению проблем, связанных с человеческим мышлением (логика, психология, искусственный интеллект и др.).

Ключевые слова: привычки повседневного мышления; когнитивные механизмы привычек; привычки имиджа; сопротивление переменам; конформизм; стереотипные представления; самообман.

Развитие гуманитарных и когнитивных наук на рубеже XX и XXI столетий углубило понимание человеческого мышления. Многочисленные и разнонаправленные исследования показали, что мышление можно познать и ему нужно обучаться [1–3]. Особое значение приобрела проблема привычек повседневного мышления, которые, с одной стороны, выступают условиями развития различного вида компетенций человека, с другой, – препятствуют ему. Исходя из такого состояния проблемы, цель статьи заключается в систематизации и оценке привычек повседневного мышления в когнитивном контексте.

Характерная особенность такого мышления состоит в том, что оно легко оперирует информацией, которую знает. Легкость предопределена памятью и ресурсами ассоциативного мышления. Выводы осуществляются на основе неполных данных, поэтому в центре внимания оказывается не сущность, а отличие. Но повседневное мышление с трудом справляется с информацией новой. Ему проще не заметить или проигнорировать новое, особенно, если это детали, чем перестроить взгляды. Полезность таких характеристик мышления можно обосновать целесообразностью повседневности. Мышление выступает условием адаптации, понимаемой как поддержание отношений динамического равновесия со средой [1, с. 129–130], и инструментом поддержания этого дина-

мического равновесия [4, с. 16]. Эвристика данных возможностей мышления зависит от того, насколько его языковые паттерны приближаются к таким точным формальным системам, как, например, логика [3, с. 117].

В. Р. Ружиэйро, проанализировав повседневное мышление с позиции его адаптивных и инструментальных возможностей, вывел ряд привычек, которые в той или иной степени затрудняют жизнь каждому человеку в его повседневности [2, с. 98–110]. Рассмотрим их и дадим оценку в когнитивном контексте. Привычка повседневного мышления «мое лучше» по своему происхождению естественна. Она формируется в детстве, «утверждая превосходство как выражение эго». В результате свое оказывается в центре внимания, чужое – нивелируется: «Мой велосипед лучше»; «Мой папа сильнее твоего папы». Эта привычка, устраняя объективность, «побуждает предпочитать ошибки самообмана неприятной реальности» [2, с. 99–100]. Чувство превосходства в идеях, ценностях, предпочтениях или принадлежностях к группам преодолимо с трудом, но легко распознается в языке, выступая источником конфликтов.

Привычка спасение лица, как и «мое лучше», – это естественная склонность, происходящая из эго. Она проявляется после ощущения угрожающей опасности сложившемуся сомнению, или образу себя (имиджу) после того, когда что-то не/сказал или не/сделал. Человек начинает действовать по привычке спасения пошатнувшегося образа, который создал себе сам, или образа, «который воспринимают другие люди» [2, с. 100]. Потеря самообладания может быть вызвана ошибкой, которую человек стремится объяснить или оправдать, но не признать.

Восстановление имиджа осуществляется чаще всего посредством рационализации – разновидности психологической защиты. Являясь «суррогатом аргументации», рационализация не устанавливает истину, а защищает идею. Агент аргументации рационализирует, «если факты следуют за убеждением» [2, с. 101]. В этом случае отбор и селекция фактов осуществляются с целью оправдания собственных убеждений. Правильная аргументация предполагает выведение убеждения из проверенных фактов. Подобная односторонность выступает препятствием гомологии пониманий как условия медиации [5, с. 31], что затрудняет посредническую коммуникацию в повседневности.

Привычка «сопротивление переменам» – это «склонность с ходу отрицать новые идеи и новые способы видеть и делать что-то без их всесторонней проверки» [2, с. 102]. Причинами выступают излишнее почтение традиций, лень или страх. Очевидно, что преодоление данной привычки обусловлено необходимостью изменить традицию, преодолеть лень или победить страх. Сопротивлению противостоит открытость к переменам, которая «не означает некритическое принятие каждой но-

вой идеи» [2, с. 104]. Открытость подразумевает воздержание от поспешных суждений или обоснование ее несостоятельности. Факторы сопротивления переменам связаны с процессами моделирования личностной эпистемологии. Данные факторы включают две группы причин. Первая группа связана с аналоговой или цифровой динамикой организации знаний и желаний в операционное поведение, вторая – с «компетенциями носителя языка производить контексты, в которых они оказываются приемлемыми» [3, с. 118]. Сопротивление возникает в ситуациях несоизмеримости указанной динамики и компетенций.

Конформизм как привычка повседневного мышления раскрывается в позитивных и негативных последствиях. Негативные последствия распространяются на ситуации, в которых человек заменяет мышление конформизмом с целью сохранить свою «принадлежность к группе или избежать риска оказаться не таким, как все». Конформизм поддерживает в человеке склонность «больше задумываться о том, что думают другие, чем о том, что правильно, истинно и разумно» [2, с. 105]. Конформизм как когнитивный механизм препятствует самоопределению личности. Отсутствие самоидентификации формирует беспомощность, безвольность, обеспокоенность внешними оценками, зависимость от других и иные формы несамостоятельного мышления и существования. Антитетической стороной конформизма выступает критическое мышление, способное к моделированию личностной эпистемологии [3, с. 117–118].

Стереотипное представление как когнитивная привычка представляет собой оперирование предельными формами обобщений, которые «классифицируют людей, места и идеи по их общим элементам» [2, с. 106–107]. Отрицательные стороны данного когнитивного механизма мышления обусловлены догматичностью или иррациональностью обобщений. Например, ложные обобщения или боковые смещения в обобщениях часто оборачиваются «кажущимся или реальным пустословием, ослабляющим внимание к неопровержимым фактам (деталям)» [6, с. 121].

Привычка к самообману происходит от недооценки интеллектуального бездействия. Она является самой трудно преодолимой и самой опасной для человека и его окружения, так как требует усилий разума. Самообман, как определила его К. Э. Портер, – «это умышленное и разрушительное забвение в своем прошлом всего, что не преувеличивает достоинства или не подтверждает настоящей точки зрения» [цит. по: 2, с. 108]. Неумение критически оценить свои возможности или компетенции в аргументации сопровождается утверждением чего-то с позиции знатока, которому известны способы доказательства этой позиции или опровержения обратного. В результате создается ложная картина мира при абсолютной уверенности в ее истинности. Она поддерживается про-

цессами диссимуляции, т.е. утаиванием или сокрытием наличия или отсутствия чего-либо, и симуляции, т.е. созданием собственно ложных значений и смыслов вне соотнесения с реальностью [5, с. 30]. Например, самообман проявляется в конфликтах, которые негативно влияют на когнитивную сферу личности. Причины конфликта заключаются в том, что противоположная сторона видится исключительно в негативном свете. При этом «собственные отрицательные качества и поведение человек вытесняет или недооценивает» [7, с. 113].

Таким образом, когнитивные механизмы привычек повседневного мышления выступают факторами мышления как средства адаптации и инструмента коммуникации. Целесообразность привычек «мое лучше» и «спасение лица» обусловлены поддержанием или отстаиванием имиджа. Сопротивление переменам выступает индикатором открытости и готовности к переменам. Конформизм отражает процесс формирования идентификационных механизмов, стереотипное представление – степень догматичности или иррациональности мышления. Самообман, проистекая из недооценки мыслительной активности, поддерживает иллюзию истины. Синергизм указанных привычек препятствует конструктивным ходам мышления. Преодоление препятствий сопряжено с необходимостью создания приемлемых во взаимодействии с окружающим миром контекстов. Критерии приемлемости сопряжены с интеллектуальной регуляцией когнитивных механизмов привычек повседневного мышления.

Библиографические ссылки

1. *Шюц, А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
2. *Ружизэйро, В. Р.* Мышление: пятнадцать уроков для начинающих авторов /пер. с англ. М.: Флинта, 2006. 440 с.
3. *Воробьева, С. В.* Критическое мышление как моделирование личностной эпистемологии // Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в условиях социально-экономической модернизации: мат. второй межд. науч. конф., Минск / Ин-т философии НАН Беларуси. Минск, 2016. С. 117–118.
4. *Эллис, А.* Когнитивный элемент депрессии, которым несправедливо пренебрегают // Московский психотерапевтический журнал. 1994. Том 3. № 1.
5. *Воробьева, С. В.* Медиация как дискурсивная практика: аргументационные аспекты // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах: тез. междунар. круглого стола, Минск, 22–23 марта 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Луцинская (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. С. 29–32.
6. *Воробьева, С. В.* Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
7. *Мерманн, Э.* Коммуникация и коммуникабельность /пер. с нем. – Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2007. 296 с.